

В.Н. Ярхо

Памяти Энцо Дегани

КАКУЮ РЕЧЬ ПРОИЗНЕС БЫ ГЕСИОД...¹

*(Оксиринхский папирус 3537 в его соотношении с античной
риторической традицией)*

Опубликованное более 15 лет тому назад позднеантичное стихотворение в гексаметрах (Р. Оху. 50. 1983. № 3537)², не вызвало, насколько мне известно, отклика среди отечественных исследователей античности. Между тем оно представляет несомненный интерес для историков древнегреческой литературы, занимающихся как ее архаическим периодом, так и поздней риторикой, поскольку по содержанию затрагивает оценку творчества и личности знаменитого греческого поэта, а по форме принадлежит к жанру так называемой этопеи (ἠθοποιία), сочинение которой составляло почти обязательный элемент первоначального риторического образования (προϋμνάσματα).

Считать новый текст еще одним образцом этопеи заставляет заголовок, обозначающий в произведении такого рода заданную тему: что сказал бы (τίνας ἂν εἶποι λόγους или τί ἂν εἶποι) такой-то, обращаясь к себе самому или к кому-то другому в некоей ситуации, заимствованной из известного мифологического сюжета: что сказал бы Ахилл, увидев в Аиде Одиссея? Что сказала бы Филомела своей сестре Прокне? Упражнения этого типа были широко распространены в риторическом образовании по меньшей мере с начала новой эры и до последних столетий Византийской империи³ и известны нам в двух видах: в прозе⁴ и стихотворной форме, как правило, – в гекса-

¹ Пользуюсь случаем выразить мою сердечную благодарность д-ру М. Хойсу и Т. Шмидту (Бельгия), проф. П. Парсонсу (Великобритания), проф. В. Люппе и Х. Меллеру (Германия), снабдившим меня необходимыми ксерокопиями и справками.

² Ed. pr.: Parsons in P. Oxy. P. 59–64 (далее – P.); West M.L. A New Poem about Hesiod // ZPE. 1984. 57. S. 33–36 (далее – W.); Barigazzi A. Una dialexis in versi su Esiodo // Prometheus. 1985. 11. P. 1–10 (далее – B.); Bona G. Esiodo e le Muse in P. Oxy. 3357r, 3–28 // Studia classica Iohanni Tarditi oblata. Milano, 1995. P. 111–126; Agosti G. P. Oxy. 3537r: etopea acrostica su Esiodo // ZPE. 1997. 119. S. 1–5; Livrea E. Callimaco: tre nuovi frammenti? // ZPE. 1998. 120. S. 28–34 (далее – L.).

³ См. перечень теоретиков риторического образования, писавших об этопее и отчасти давших ее прозаические образцы, вплоть до византийца Георгия Пахимера (XIII в.): Fournet J.L. Une éthopée de Caïn dans la Codex des Visions de la Fondation Bodmer // ZPE. 1992. 92. S. 253–266. Anm. 8–9.

⁴ Самое обширное собрание прозаических этопей в античности (27 образцов) содержится в разд. XI «Прогимнасмат» Либания: Libanii opera rec. R. Foerster. V. VIII. Lpz, 1915. P. 372–437, причем наряду с мифологическими персонажами там встречаются и облагоражившаяся блудница и полюбивший евнух (гл. 15 и 26). В византийское время к ним прибавились более благородные личности; так, в «Прогимнасматах» Никифора Василякиса (середина XII в.), выдержанных в полном согласии с эллинистической традицией, к речам

метрах. Стихотворные этопеи сохранились как на папирусах⁵, так и – в большей части – в комплексе декламационных эпиграмм, вошедших в IX книгу Палатинской антологии. Мы скажем о них подробнее, когда ознакомимся с обсуждаемым ниже текстом, который содержится на лицевой стороне папируса в записи конца III – начала IV в.

Он складывается из двух полосок, сохранившихся во всю высоту колонки в 16 см и представляющих собой ее левую и правую половины: не хватает средней полосы, т.е. примерно 8–10 букв. Две первые строчки являются концом какой-то поэмы, за ними следует заголовок и наш текст в гексаметрах, с воспроизведения которого мы и начнем, пользуясь теми дополнениями в несохранившейся его части, которые представляются наиболее близкими к смыслу этого небольшого сочинения.

- Τίνας ἀν λόγουίς Ἡσίόδου εἶποι ὑπὸ
 τῶν Μουσῶν εἵθεος γενόμενος.
 Τίς με θεῶν ἐτίναξε; τίς ἔνθεον ἤγαγεν ἄσθμα
 Οὔρεά τε προλιπόντι καὶ ἄλσα καὶ βοτὰ μήλων;
 5 Νυκτὶ μῆ<ι> τίς ἐπίσ<τα> ἀπὶ ἐνδόξου Ἑλικῶνος
 Δάφνης εὐπετάλοιο φέρειν ἐρήθηλέας ὄζους;
 Αὐτῇ μοι γένος εἶπε θεῶν πτολέμους τε γιγάντων
 Πάντων θ' ἠρώων γενεῆν φύλλον τε γυναικῶν,
 Αὐτῇ κόσμον ἔνισπτε τὸν οὐδέποτ' ἔδρακον ὄσοις.
 10 Μάνδρη ἐμῆ τριτάλαινα καὶ αὐλλίης αἰ πάρος αἰγῶν,
 Ἔρχομαι ἐς πτόλεμόν τε καὶ εὐρέα κύκλον ἀγῶνων.
 Ἰερὸς οὐκέτι κιττός ἐπαρκέσει] οὐδ' ἔτι ποίμνη.
 Βαῖη ἐμοί] σύμπασα λυγροῖς σὺν] δώμασιν Ἄσκη
 Οὐδαυτῆς Κύμης [ἀλεγίζω. χαίρετε πάντες
 15 Μηλονόμοι. Μοῦσαι [θείην μὲ] δίδαξαν αἰοδῆν,
 Ἐκ δ' ἐλόμην πολὺ [χεῦμα θεοπιλεύστου Ἀγαπίπης.
 Νῦν μοι, Δίε πάτερ [πολὺ φίλτατε], νῦν Πυκιμήδη,
 Ὀλβίστη μήτειρα, κάσι μέγα νήπιε] Πέρση,
 Στήσεται εἰ.αλλοιο [.....ο]ν γὰρ αἰοδῆν
 20 Παύρην βουκολικῆν ἀναβάλλομαι, οὐδ' ὅς' ἀφαιροῖ
 Ῥηιδίως μέλπουσι [αἰδρεες ἀγρολιῶται,
 Οὐδέ μοι αἰπολικῆ [γ' ἔτ' ἐν οὔρεσιν] εὐα<δ>ε σῦριγξ,
 Σὺν δ' αὐτοῖς καλάμοισιν ἀπέσττυγον ἄγριον ἠχῆν.
 Ἐκ Διὸς ἐκ Μουσῶν [.....]ξ οὐράμοι μοι
 25 Φαίνονται πυλεῶνίης, ὄρω δ' εἰς θεία μέλαθρα,
 Ἦδη δ' αἰεῖδεν ἐθέλω βῆναί τε κλέοσδε.

2 ἔνθεος B. 3 ἔνθεον Gigli ap. B., Diggle ap. P. 4 προλιπόντι W. 7 εἶπε B. πτολέμους B., W. 9 suppl. W. 10, suppl. Diggle ap. P. 11 suppl. B. 12 κιττός D'Angour ap. P., ἐπαρκέσει W. 14 suppl. W. 15 θείην W., L. 17 [πολὺ φίλτατε] W. 18 suppl. B. 22 ἔτ' ἐν οὔρεσιν L. εὐα<δ>ε corr. Di Benedetto ap. P. et B. 25 suppl. W. Omnia alia suppl. aut proposuit ed. gr.

Атланты, Данаи и других персонажей присоединились монологи Самсона, ослепленного филистимлянами, или матери Христа, увидевшей, как он превратил во время свадьбы в Канне воду в вино и т.п. (Rhet. Graeci. I. 480, 499. 517, 566 sq.).

⁵ Из прозаических этопей, сохранившихся на папирусе, известен до сих пор только один образец – верхняя половина листа из кодекса конца III – начала IV в., представлявшего собою, по-видимому, сборник примеров для составления прогимнасма. Дошли в разной степени сохранности остатки двух этопей: конец одной, в которой неизвестное лицо (Пелей, узнавший о гибели Ахилла?) призывает смерть как избавление от бед, и начало второй, в которой Клитемистра обращается к Оресту, угрожающему ей мечом. См. Gerstinger H. Bruchstücke einer antiken Progymnasmata-Sammlung im Pap. gr. Vindob. 29789 // Mitteilungen. Verein klassischer Philologen in Wien. 1927. 4. S. 35–42.

1. Τίνας ... λόγους – прозаическое заглавие этопеи, параллель которому дают заглавия риторического упражнения, дошедшего на папирусах № I и VII (по нашей нумерации в дальнейшем тексте), и тринадцати декламационных эпиграмм из IX кн. Палатинской антологии (126, 449, 451, 455, 461, 462, 465–468, 471, 473, 475).

2. В принятом нами чтении параллель к [γενόμενος] составит Luc. Rhet. праес. 4: κάτοχος ἐκ Μουσῶν γενόμενος. Возможны также предложенные Ди Бенедетто ἐμ[πεπνευμ]ένος или ἐκ[διδασκόμε]νός (ср. ниже, 15, и Theog. 22, 31). В понимании текста любое из трех предложений ничего не меняет.

3. К анафоре в риторическом вопросе см.: пап. № V; Anth. Pal. IX. 449, 670; XVI. 159; Месомед. 7. 1–2; 8. 1–3 Heitsch⁶; Nonn, Dion. XVIII. 342–346; XL. 423–427. Ἐτίναξε Глагол τινάσσω переживает на протяжении VIII–III вв. существенную эволюцию. В поэзии архаической эпохи (Hom. II. XII. 298; XIII. 243 etc.; Od. VI. 43; XXII. 88; Hes. Th. 680; Tyrt., fr. 11. 25), в драме V в. (Aesch. Pr. 917; Soph. Tr. 512; Agist. Ran. 340) он имеет вполне конкретное значение физического действия «трясти», «сотрясать». Однако уже у Сапфо (фр. 47) он получает значение «потрясать», «волновать» в переносном смысле, сохраняет его у Аполлония Родосского (IV. 641), и в таком виде попадает в уста Гесиода в нашей этопее.

4. К дат. п. проλιπόντ[ι] ср. αὐταί μοι μέλπον[τι] в P. Оху. 37. 1971. 2816, подражание призыву Гесиода к Музам. Καὶ ἄλσα. W.: ἄγχεα («долы»), В.: ὕδατα («воды», «ручьи»). Чтения Парсонса и Уэста представляются более близкими к горному пейзажу.

5. Νυκτὶ μῆ<ι>. Баригацци, ссылаясь на Verg. EcI. VI. 65 (una sorogum), предлагает μῆτη, относимое им к одной из Муз. Этому, однако, противоречат два обстоятельства: 1) отсутствие в тексте gen. partitivus Μουσῶν, который Баригацци вводит в ст. 3 вместо принятого всеми τίς ἐνθεος; 2) явление Муз обычно приурочивается к ночи; так у самого Гесиода (Теог. 9 сл.) (ἐννύχια), так и в надписи Мнесиепа, повествующей о явлении Муз Архилоху (πρώτερον τῆς νυκτὸς σελήνης λαμπύουσης). Ср. также у Леонида Тарент. (Anth. Pal. VI. 262. 3): ἐπινύκτια μῆλα νομεύων; у Фронтоне (Er. ad M. Caes. I. 4. 6 по изд.: Opere di M. Cornelio Frontone a cura di F. Portalupi. 1974): Hesiodum... dormientem poetam ais factum. Ἀπὶ ἐνδόξου. L.: ἀπὶ εὐδόμου, считая прилагательное εὐδομος более уместным в стихотворном тексте, чем прозаическое ἔνδοξος.

6. Вместо φέρειν Диггль предложил дрέπειν (ср. Hes. Th. 30–30), Баригацци – ἔδωκ' ἐρι] (ср. Anth. Pal. IX. 64. 5: δῶκαν), при котором, однако, не хватает одного знака для заполнения лакуны. Δάφνης – ср. там же, ст. 4; ἐριθηλέος ὄζον Theog. 30; множ. ч.: II. X. 467, так же в конце стиха.

7. Большинство комментаторов предлагает императив εἰπέ, что дает другой смысл: «Она мне: "Вещай..."».

8. Γενεήν В.: γενεάς πασῶν. К обоим чтениям могут быть предложены параллели. Для ед. ч.: Th. 33, Op. 159; Anth. Pal. IX. 64. 7; для множ. ч.: Op. 160; Luc. Praes. rhet. 4 (ἡρώων γενῆ). Φύλον. – См. Th. 1021 = Catal. gyn., fr. 1.1.

9. Τὸν οὐδέποτε! ἔδρακον. В.: ὄλον, τόγυ' ἔδρακον, что несколько меняет смысл: «Она сама поведала (открыла мне) весь мир, который я узрел». Чтение Уэста носит более торжественный характер, передавая восторг, охвативший поэта.

10. Μάνδρη и αὔλιες, согласно Гесихию (μ 228), синонимы, хотя различие между ними можно извлечь из Каллимаха, hymn. Dem., 105: χῆραι μὲν μάνδραι, κενεαὶ δὲ μοι αὔλιες ἤδη «пусты у меня загоны, пусты и стойла четвероногих».

11. К ἐς πτολί уже Парсонс допустил возможность двух дополнений: πτόλεμον

⁶ Heitsch E. Die griechischen Dichterfragmente der römischen Kaiserzeit. Göttingen, 1963.

μελέων и πτολιέτρον, имея в виду Халкиду, где Гесиод принял участие в состязании в честь погибшего на войне Амфидаманта (Op. 654–659). L. поддержал первое предложение в его начальной части, В. – второе, видоизменив его в πτολιέτρα τὸ νῦν καὶ κ]. Обстоятельство времени νῦν здесь не слишком понятно – какие еще города может посещать поэт, кроме существующих в его время? Κύκλον – ср.: Od. IV. 792; Soph. Ai. 749; Eur. Or. 919.

12. Κιττός (или κισσός) – ср. Verg. Ecl. VII. 25: hederam...ornate poetam; VIII. 13: sine – hederam tibi serpere.

13. Ἀσκη. – Op. 640; Nicandr. Alexiph. 11; Verg. Ecl. VI. 70; Georg. II. 176; Cul. 96; Anth. Pal. VII. 52. 2; 54. 1; Hesiodi vitae ap. Sudam et Tzetz.

14. Κύμη – Op. 636; Hes. vitae Χαίρετε πάντες hymn. Hom. Apoll. 166: χαίρετε ... πάσαι P. и В. ставят точку в конце стиха, W. переносит ее после μηλονόμοι в следующем стихе, справедливо указывая, что μηλονόμοι относится к пастухам, а не к Музам, которые здесь являются вовсе не «пастушескими», а вдохновительницами эпической поэзии.

15. Θείην. P. – καλήν (по аналогии с Theog. 22: καλήν ... αἰοδήν), которые W. считает менее подходящим к нашему тексту как более прозаическое. В., полагая, что восемь знаков не заполняют лакуны, предложил на выбор три определения: τερτιήν, λιγυρήν, γλυκερήν, из которых предпочел первое. Однако «божественная» песня скорее отвечает противопоставлению «высокого» поэтического дара, внушенного Музами, неприхотливой пастушеской песне, которая тоже может быть в своем роде «прекрасной» и «сладостной».

16. Χεῦμα Ср. Callim., hymn Juv. 32: ἐκ δ' ἔχεεν μέγα χεῦμα. В. предлагает ῥεῦμα отчего мало что меняется. Аганиппа – см. комментарий к Каллимаху, P. Oxy. 20. 1952. 2262, fr. 2, col. 1, 16–24: κρήνη ἐν Ἐλικῶνι, ἥ δ' αὐτὴ καὶ Πηγαίσις καλεῖται καὶ Ἰπποκρήνη. ... Περμησὸς ποταμὸς ... ἐξ οὗ ἔχειν τὰς πηγὰς λέγεται ἡ προειρημένη Ἰαγανίππη.

17. Πολὺ φίλτατε Предложение L. π[ανυ]έρτατε представляется слишком возвышенным для смертного, даже очень почитаемого. В. предложил полуδάκρυε исходя из Op. 633–640; однако там речь идет о давно прошедшей жизни в Киме, а в Аскре отец сумел все же оставить сыновьям неплохое наследство, коль скоро из-за него между братьями возникла тяжба. К тому же определение «многослезный» плохо согласуется с обращением того же Гесиода к «почтенной» матери. Ὀλβίστη – может быть, и некоторо преувеличение, поскольку семья Гесиода едва ли обладала таким достатком, который позволил бы ее членам наслаждаться ὄλβος в солоновом понимании этого слова, но тем не менее любая мать считается почтенной, πότνια, даже мать нищего Ира; см. Od. XVIII. 5. Μήτειρα – редкая форма, ср. Suppl. Hellen. № 303. Μέγα νήπιε II. – Ср. Op. 286, 693, так же в конце стиха.

19. W.: στήσεται αἰεὶθάλλοιο «вы установите вечноцветущего (что?)...»; от дальнейшего заполнения лакуны он воздерживается. В.: στήσεται εἰν οὔρει κ[αλὸν γέρας] ο[«на горе будет стоять прекрасная награда» – мысль Баригацци, по-видимому, такова, что эту награду Гесиод заслужит исполнением новых песен, так как (γάρ) они будут значительно выше прежних. Однако прочтение им знаков, предшествующих лакуне, сильно отличается от того, на что дает право сохранившийся папирус. L.: στήσεται εἰς ἄλλοιο [δῶμον βίος] ο[– мысль, как видно, та, что Гесиод начнет новую жизнь. Смущает, однако, сочетание στήσεται с указанием на цель движения: «возникнет в дом»? Аналогия с Од. IV, 581 сл. (εἰς Αἰγύπτιο ... ποταμοῦ // Στήσα νέας только отчасти достигает цели, поскольку здесь указывается, куда, а не где Менелай причалил корабли. Люппе (в письме) предлагает ex.gr.: στήσεται εἰς ἄλλοιοῖν ἐμὸν μέσσι.

20. Παύρην – ср.: Pind. Ol. XIII. 98; Hor. Ep. II. 1. 257: parvum...carmen. Ἀναβάλλομαι – ср. ἀναβάλλετο μολπήν: Colluth. 115; δίστιχον ἄρμονίην ἀναβάλλετο: Nonn. Dion. XIX. 102. Ἀφαιροί – собственно, «слабосильные»: II. VII.

235, 457; XV. 11; Od. XX. 110; Op. 586. В нашем тексте – «мало способные», «мало одаренные».

21. Ἄιδρεες. Диггль предложил *δυσηχέες* «жалкие», L. – ἀναιδέες (едва ли умещается в лакуну) «бесстыдные». Предложение Парсонса представляется предпочтительным: пусть деревенские певцы недостаточно сведущи в поэтическом искусстве, но достойна ли их сельская песня жалости и является ли она признаком бесстыдства?

22. Σύριγξ как постоянный атрибут пастушеской песни см.: Theocr. Ecl. 1. 128; IV. 28; V. 4, 5, 6, 19, 135; VI. 43; VIII. 18 = 21. 84; IX. 8 (σ. βουκόλος); XX. 28; Ep. II. 1; συρικτάς: VII. 27; VIII. 9. 34; Anth. Pal. XII. 128. 1: αἰπολικαὶ σύριγγες, ἐν οὔρεσι... Соответственно у Вергилия *fistula*: Ecl. II. 38; III. 22, 25; VII. 24; VIII. 33; X. 34.

23. Κάλαμος – см. Theocr. VIII. 24; *calamus* – Verg. Ecl. I. 10; II. 32, 34; V. 2, 48; VI. 69; VIII. 24; Cul. 72; ср. *harundo*: Verg. Ecl. VI. 8; Cul. 100. Ἄγριον ἥχην Verg. Ecl. VI. 8: *agrestem... musam*.

24. Ἐκ Διὸς ἐκ Μουσέων «по воле» – ср. Theog. 94–96: ἐκ γὰρ τοι Μουσέων ... ἄνδρες ἄοιδοι ἔασιν ... ἐκ δὲ Διὸς βασιλῆες: в том же значении в эпосе и лирике ἔκρητι: Od. XV. 319; XIX. 86; XX. 42; Arch., fr. 266 Lass.; Alc., fr. 59 a PLG. Удовлетворительного восполнения следующей за тем лакуны до сих пор нет. Предлагаемое Дигглем в ed. gr. με μένος πλήξι «меня поразила отвага» плохо согласуется здесь с πλήττω («ударять») в его обычном негативном значении и к тому же требует знака преинания, редкого после четвертой стопы. L.: Χαρίτων ἔξ слишком слабо после Зевса и Муз. В.: θεοὶ ἀλλάξ, соединяемое с οὐράνιοι φαίνονται «мне являются по очереди небесные боги», оставляет без сказуемого *πυλεῶνες* в следующем стихе, которые предпочтительнее соединить с φαίνονται «являются (открываются) небесные врата» (ср. II. V. 749 = 8. 393).

25. Ὠῶ δ' εἰς – ср.: II. 1. 350; Od. V. 439; XVIII. 320, 344; 20. 373. L.: ἔβην δ' εἰς, в противоположность предыдущему его предложению, слишком сильно для Гесиода. Позволить себе нечто подобное мог разве только Парменид, предводительствуемый Дикой.

26. Κλέοσδε – соединение δε с отвлеченным понятием несколько неожиданно, как и употребление вместе с ним конкретного βαίνειν с дополнением. По первому поводу P. напоминает о гомеровском φόβονδε II. V. 252; VIII. 139; XV. 666; XVII. 579), по второму – II. II. 339; VIII. 229, однако в обоих случаях формы βαίνω стоят при подлежащем и в сопровождении обстоятельства места πῆι. Может быть, более подходящая параллель – Soph. OT 125, 172; OCol. 217 («дойти до крайнего предела»).

Принимая предложенный выше текст и комментарии, дадим его рабочий перевод.

«Какую речь произнес бы Гесиод, вдохновленный Музами. Кто из богов потяря меня? Какое божественное вдохновение побудило меня оставить горы, и рощи, и овечьи пастбища? 5. Кто однажды ночью сумел принести со славного Геликона роскошно цветущие побеги прекраснolistвенного лавра? Сама (Муза) поведала мне о роде богов и сражениях с гигантами, о происхождении героев и о потомстве жен, сама открыла мне мир, коего еще не зрел я очами. 10. Злополучный мой хлев и закуты, где некогда были козы! Я ухожу на бой и вступаю в широкий круг для состязаний. Не будет мне больше нужен ни священный плющ, ни пойдет (вслед) за мной пастбище, ни вся Аскра с ее убогими домами, не говорю уж о самой Киме. Прощайте, все (15) пастухи: Музы научили меня божественной песне, я же избрал широкое течение боговдохновенной Аганиппы. Теперь, любезный отец Дий, теперь, почтеннейшая мать Пикимеда, (и ты,) весьма неразумный Перс!... (20) ибо завожу я не жалкую пастушескую песню, не то, что без труда дают малоодаренные несведущие поселяне; разонравилась мне пастушеская свирель в горах, и я возненавидел деревенскую песню с ее дудками. По воле Зевса, по воле Муз... небесные мне (25) открываются врата, и я гляжу на божественные чертоги. И уже (их) я хочу петь и достигнуть славы».

Прежде чем приступить к более подробному анализу приведенного выше текста, остановимся вкратце на характеристике того типа «предварительных упражнений» –

этопей⁷, к которому обычно относят фиктивную речь Гесиода («Что бы сказал...»).

Термин «этопея» появляется в известных нами риторических руководствах эпохи Империи далеко не сразу⁸. Его еще не употребляет Феон (Теон) Александрийский, время жизни которого сейчас со все большей уверенностью относят к I в. н.э.⁹ Феон пользуется понятием просопопеи (προσωποποιία) – «изображение личностей», придавая ему достаточно широкое общеобразовательное значение. Уже в самом начале своего труда он называет составление просопопеи занятием, полезным не только в области истории, но и в повседневной жизни, и в общении с другими, и при обращении к книгам. Лучшими примерами просопопеи он считает поэмы Гомера, диалоги Платона и пьесы Менандра, особенно хваля первого из названных авторов за то, что он дал каждому из выводимых лиц подходящие речи¹⁰.

Затем, в специальной главе, посвященной просопопее, Феон дает ее определение как «выведение лица, произносящего речь, которая соответствует ему и предлагаемым обстоятельствам... как, например, что сказал бы муж жене, собирающейся в путь, или полководец, поднимая воинов на опасное сражение»¹¹. Из дальнейшего видно, что в понятие просопопеи Феон вкладывает восходящее к Аристотелю требование «подобного» (τὸ τρέπον): в разное время и в разном месте различные речи подобают (πρέπουσι) в зависимости от возраста молодому человеку и старику, и по природным свойствам – женщине и мужчине, и по положению – рабу и свободному, и по состоянию – воину и земледельцу¹².

Последующие авторы трактатов по риторике (Гермоген или кто бы ни скрывался в III в. под этим именем в качестве автора «Прогимнасма»; Афтоний – IV в., Николай – вторая половина V в.), заменив понятие просопопеи термином этопея¹³, ничего при этом не выиграли. Первое понятие, включавшее в себя и нрав говорящего, и ситуацию, в которой ему пришлось бы высказываться, обрисовывало задачу ритора достаточно широко. Термин же «этопея», по самому составу слова ограниченный изображением *нрава* персонажа, потребовал дополнительных дефиниций. Так появились этопея этическая («что сказал бы крестьянин, увидев в первый раз корабль»), патетическая («что сказала бы Андромаха над телом Гектора») и смешанная («что сказал бы Ахилл над телом Патрокла») – классификация достаточно приближительная, так как впечатление земледельца при виде корабля следует отнести скорее к ситуации, чем к его нраву, а в реакции Ахилла на гибель Патрокла следует видеть в первую очередь пафос, понимаемый как «страсть», без примеси других нравственных категорий. Похожие примеры приводят Афтоний и Николай, пытаясь при этом достаточно искусственно определить отличие этопеи от просопопеи¹⁵.

⁷ В единственной работе, посвященной в XX в. этопее (*Hagen H.M.* *Νότοπος. Zur Geschichte eines rhetorischen Begriffs.* Diss. Erlangen-Nürnberg, 1966), это понятие рассматривается с точки зрения его этического содержания (о чем см. ниже, прим. 8), уделяя незначительную часть гл. IV этопее как одному из типов прогимнасма. Стихотворных этопей автор указанной работы вообще не касается.

⁸ Речь не идет, разумеется, об этопее как о высоком искусстве изображения характера, присущем Лисию, о чем писал Дионисий Галикарнасский в своем известном сочинении о нем (гл. 8 и 19): для каждого своего клиента Лисий находил слова, соответствующие его нраву, а когда их нельзя было извлечь из сути дела, он сам создавал характер, верный обстоятельствам.

⁹ *Aelius Théon. Progyrnasmata / Texte établi... par M. Patillon. P., 1997. P. VII–VIII, XVI.*

¹⁰ *Theon*, p. 60. 22–31; 68. 22–25 (Spengel. *Rhet. Graeci*) = p. 2 sq., 12 Patillon. Греческие теоретики обычно не обращались к примерам из римской литературы; иначе в качестве прямого предшественника риторических просопопей Феон мог бы назвать речи, которые Цицерон вкладывал в уста «бородатых» предков современных ему римлян (например, Аппия Клавдия Цека в речи за Целия – XIV. 33), или «Геронды» Овидия.

¹¹ 115. 11–17 Sp. = 70. Pat.

¹² 115. 28–116. 4 Sp. = 70 sq. Pat.

¹³ «Подражание нраву предложенного лица, а именно, какую речь могла бы обратиться Андромаха к Гектору» (*Hermogenes / Ed. Rabe. Lpz, 1913. P. 20. 7–9*).

¹⁴ *Hermogenes. P. 21. 10–18.*

¹⁵ *Nicolai Progyrnasmata / Ed. I. Felten. Lpz, 1913. P. 65. 1–7.*

Таким образом, понятие этопеи, появившееся после Феона, не отличалось достаточной определенностью, и под него можно было подвести любую прямую речь, произнесенную неким лицом в заданных обстоятельствах. При всем том подробно разработанная у трех независимых выше авторов теория этопеи давала учащимся достаточно указаний для составления подходящих случаю речей. Как пример такого руководства можно сослаться на того же Николая. Отвечая на вопрос, что сказал бы Пелей, услышав о смерти Ахилла, не следует строить речь таким образом, чтобы он тотчас начал вспоминать о прошлом счастье, но сначала оплакал то, что произошло, противопоставляя этому прежде благополучие (брак с богиней; почет, оказанный богами; множество совершенных им подвигов), а уже затем оплакал свое нынешнее состояние, прибавив к этому, что с ним случилось, и как бы предсказал ожидающие его беды из-за отсутствия защитника (66. 1–8).

Как мы уже говорили, наряду с составлением прозаических этопей в практике риторических школ имели место упражнения, выразившиеся в сочинении этопей в гексаметрах. Ясно, что практического значения как образец для предполагаемой речи эти «этопеи» иметь не могли: во времена Римской империи никто не произносил в стихах совещательных или судебных речей, где как раз требовалась обрисовка характера¹⁶. В то же время стихотворные этопеи могли помогать развитию риторических навыков, приучать к эффективному использованию речевых фигур, – словом, служить выработке находчивости и стиля будущего ратора.

К числу подобных упражнений принадлежит по формальному признаку и обсуждаемая здесь «речь Гесиода». Вполне ли она согласуется с требованиями этого жанра, станет ясно из ее сравнения с другими дошедшими до нас образцами стихотворной этопеи. Начнем с папирусных фрагментов, поскольку они более непосредственно отражают практику риторических школ, чем стилизованные эпиграммы.

Не считая Р. Оху. 3537, известно восемь папирусов, содержащих в той или иной сохранности остатки более чем 20 упражнений и эпиграмм, представляющих собой этопеи в гексаметрах¹⁷.

I. Р. Оху. IV (1904). № 671. Вероятно, вторая половина III в. н.э., т.е. самый ранний из папирусов этого типа. Текст очень испорчен. Сохранилась только часть заголовка (τίνας ἄν εἴποι [...] τὸν υἱὸν τοῦ Δε[...]) и отдельные слова, из которых ясно, что текст был составлен в гексаметрах, занимал, вероятно, 21 или 22 стиха (с учетом лакуны после ст. 14) и имел дело с мифологической тематикой (ἀτρεκὲς αἰγυλήσσα, 3; βασιλεύς, 4; θεσπέσιον, 10; [σκέ]πτρον, 15; χρύσειον ἄθρησανί, 16; ἀλλὰ κλύοις, 17).

II. Р. Ryl. III. 487 (Heitsch¹⁸, XXI). Конец III – начало IV в. 1. Из ст. 1–18 относительно прилично сохранились 4–9, из которых ясно, что вспоминали Эльпенора, погибшего во время пребывания у Кирки, подобно тому как другие спутники Одиссея погибли от рук царя лестригонов Антифата и Полифема (переве ст. 199 сл. из кн. 10 «Одиссеи»). Затем встречаются имена Амалфеи, эгидодержавного Зевса как подателя попутного ветра (οὐρίος), но в то же время упоминается и его «заступ» (μάκελλα), т.е. молния, свидетельствующая о начале бури, и «вода». Все это – приметы известной из «Одиссеи» ситуации (хотя и без явственных лексических совпадений), когда ясная погода неожиданно сменяется бурей (например, 12. 399–406). Перед нами – рассказ Одиссея о его последних приключениях: о пребывании у Кирки и посещении Тринакии. После жалких остатков ст. 18 папирус обрывается, и дальнейший текст читается на обороте, после такого же обрыва.

¹⁶ Да и в архаической Греции был, кажется, один-единственный пример – элегия Солона, побудившая афинян объявить войну Мегаре за Саламин.

¹⁷ В это число не включается еще не опубликованный папирус из собрания Бодмера, от которого известно только начало: «Что сказал бы Каин, убив Авеля». См. *Fournet*. Op. cit. Каково бы ни было содержание этого памятника, оно едва ли будет допускать слишком обширные сопоставления с этопеями на темы греческой мифологии.

¹⁸ См. прим. 6; наиболее связную часть текста см. также в GLP, № 137, причем Пэйдж принимал эти стихи за произведение вполне серьезного поэта, писавшего в традиции Квинта Смирнского.

2. Ст. 19 сл. – отдельные буквы, в ст. 20 упоминается «труд Пенелопы», т.е. ее работа над саваном для Лаэрта. Ст. 22–31 – вполне связный текст: речь Одиссея, обращенная к Филойтию и не названному по имени Евмею. Чтобы у них не было сомнения в его возвращении, Одиссей показывает им шрам на ноге и просит содействия в расправе с женихами, обещая за это отпустить их на волю. Впрочем, он уверен в их помощи, так как они, подобно Телемаху и Пенелопе, достаточно натерпелись от зловредности (какóτης) женихов. Это опять легко узнаваемый пересказ «Одиссеи», XXI. 193–200. Составляли ли оба отрывка одно упражнение или два, при лакуне между ними сказать трудно, но поскольку описываемые в них события отстоят в «Одиссее» далеко друг от друга также по содержанию, более вероятным представляется, что это были ответы на два задания.

3. Ст. 32 отделен от ст. 31 параграфом, после чего следовало новое упражнение или, скорее, повторение предыдущего, так как в остатках дошедших ст. 33–37 встречаем гомеровское наречие μαψιδίως и все ту же «зловредность женихов»¹⁹.

III. *Nemathena* 5 (1885). 237–257 (Heitsch, XXVI). Два листа из папирусного кодекса IV в.

На листе *1 recto* – остатки двух упражнений. 1. В первом (ст. 1–8) упомянуты Афродита; «всесильные Эринии»; Гермес, вестник Зевса; «несущая смерть мойра», от чего смысл нисколько не проясняется. Принадлежность же к жанру эпопеи выявляется из обращений ἔχε, ἀποχάζεο, λέϊπε, но кто кого и от чего призывает отстраниться, остается не известным. 2. Зато к следующему упражнению дается заголовок: «Каллиопа, утешающая Фетиду», и, хотя текст сохранился плохо, характер утешения в ст. 10–17 очевиден: сужденного не избежать, судьба неустранима и не поддается убеждению, и, следовательно, «не оплакивай замысел Зевса», который выявляется также на примере Мемнона и Орфея.

На листе *1 verso* остатки 11 стихов. 3. Заголовок не сохранился, речь шла об Елене, «некоей, цветущей жене», с которой неизменно связывается κλήπτης и κόττη. Она причинила заботу своей родительнице, произведшей на свет также Кастора и конеборца Полидевка. Сама Елена – «строящая козни», и ее должна настичь кара, коль скоро она по воле Афродиты оказалась «заботницей» (τιθήνη) о доме Приама. Последний эпитет надо воспринимать, очевидно, иронически.

На листе *2 recto*, начало которого оборвано, были три упражнения. 4. Сохранились последние два стиха: некто «стремится сражаться с небожителями». Поскольку это – конец упражнения, то ясно, что в предыдущих стихах приводился какой-то пример подобного опасного стремления (ср. II. V. 440–444). 5. «[Одиссей,] когда Менелай приказал [не хоронить Аякса]». Убеждение занимало две строчки: отлучив Аякса от сонма умерших, Менелай разгневает царя богов (ст. 3–5). По содержанию очень близко к речи Одиссея в «Аяксе» Софокла, 1332 сл., 1343 сл., где она обращена, правда, к Агамемнону. Лексических заимствований нет. 6. «[Триоп,] когда Эрисихфон истреблял [все его] имущество и не достигал насыщения». Далее, в соответствии с версией, известной из «Гимна к Деметре» Каллимаха, излагалась просьба отца к богине «отвратить злую эринию (т.е. мечь)» от его сына, который все «еще не достиг насыщения пищей» (ст. 6–12). У Каллимаха есть речь Триопа (98–110), но она обращена не к Деметре, а к Посидону, и в ней не упоминается эриния.

Лист *2 verso*. 7. Начало оборвано, содержание непонятно, несмотря на упоминание «могучего Патрокла» и Ипполита (ст. 1–7), никак в мифе между собой не связанных. В ст. 8 Рейтценштейн предложил чтение: [Ἀπόλλων μετὰ τὴν ἄνα[ρ]σειν τῶν παιδῶν τῆς Νιόβης – стало быть, это начало следующего упражнения (8), что вполне согласуется в ст. 9–12 с остатками речи Аполлона после убийства детей Ниобы: «прихожу... ряд этих мертвых... и узнай силу богов». В № 5, 6 и 8 перед заголовками предполагается формула «Что бы сказал...».

¹⁹ Наречие μαψιδίως применительно к женихам – Od. II. 58 = 17. 53; какóτης – вообще об итакийцах, но в первую очередь – опять о женихах: Od. XXIV. 455.

IV. P. Оху. XLII (1974). № 3002. IV в. Речь Афины объемом в 26 гексаметров, в которых она успокаивает Ахилла. Прототипом служат распространенные в три раза ст. 207–214 из кн. I «Илиады», хотя лексических совпадений именно с этими стихами не много. Без конца повторяется одна и та же мысль, что Ахиллу следует обратить свой гнев против троянцев, а не против своих союзников данайцев (1–2, 4, 11–13, 14–16), – не для этого его воспитали Пелей и Хирон (8–9, 23); пять раз Афина призывает Ахилла обуздать его гнев (5, 6 bis, 13, 21).

V. H. Weil ap. Jouguet-Lefèvre. BCH. 1904. 28. P. 208 suiv. (Heitsch, XXXVIII). Прекрасно сохранившаяся надпись на деревянном диптихе V–VI вв. Заголовка нет, но ясно, что это – обращение к ахейцам Ахилла, восставшего над своей могилой:

Что вы пустились в лазурные воды вспененного моря
И на суда погрузили тюки виссоновых платьев?
Что корабли вы торопите плыть к отеческим стенам,
Доли почетной тому не уделив, кто трудился
Сколько для вас? И каких я не вынес трудов вам во славу?
Мужа какого в сраженье к земле не склонил я, отправив
В недра Плутона, в жертву в спор вступающей мойре?

По содержанию близко к «Гекубе» Еврипида, 109–115, где, впрочем, речь Ахилла занимает всего два последних стиха²⁰.

VI. P. Heidelberg inv. G 1271 verso (Mélanges Nicole. Genève, 1905. II. P. 615–624). Лист из папирусного кодекса VI в. Шесть эпиграмм объемом в 6, 7, 2, 10, 3 и 11 гексаметров. Каждой предшествует заголовок, предполагающий опущенную формулу: «Что сказал бы...».

1. «Феник, обращающийся во время посольства к Ахиллу (с просьбой) отказаться от гнева». Для того ли Хирон обучал Ахилла победам в боях, чтобы он гневался из-за женщины (т.е. отобранной у него Брисеиды)? Уклоняясь от участия в сражениях ради Афродиты, Ахилл позорит род Эакидов. Пусть он покинет свой шатер и поможет погибающим ахейцам. 2. «Одна из гречанок, встретившаяся с Еленой в Элладе». Зачем она пришла? Неужели она хочет погубить еще и детей аргивян, умерших ради нее? Убив с помощью Ареса столько ахейского люда, не хочет ли она своим взглядом искоренить и оставшихся на родине? 3. «Один из греков после того как Гектор убил Патрокла и надел его доспехи». Заголовок едва ли не длиннее следующего за ним двустихия:

Гектор, в бою победив, не кичись, ибо завтра на поле
Выйдет сражаться Ахилл, ненасытный в желании битвы.

4. «Зевс, когда к нему пришла Афродита, (жалуясь) на Диомеда, что ранил ее в руку» Ст. 1–4 повторяют его аргументацию в Ил. V. 428–430: война – дело Афины, царство Киприды – брачные покои. Со ст. 5. появляется мотив, совершенно неизвестный «Илиаде», но достаточно частый в поздних памятниках²¹: неблагоприятное поведение в отсутствие Диомеда его жены Эгиалеи. Соответственно Зевс советует Киприде не стенать из-за раны, нанесенной ей Диомедом: в ее власти – нанести своими стрелами неисцелимую рану в сердце его супруги (ст. 5–8). 5. «Афродита, когда Диомед был изгнан Эгиалеей». Текст плохо сохранился, однако ясно, что развивается

²⁰ В лексическом плане совпадает в обоих текстах только λαίψη, и известное сходство можно усмотреть в τίςβον... ἀγέραςτον ἀφίντες (Hes. 114 sq.) и μηδὲ γέρας νείμαντες в № V. У Квинта Смирнского (XIV. 179–222) две строчки Еврипида распространены, по его обыкновению, на 40 с лишним стихов, среди которых больше половины занимает наставление умершего Ахилла Неоптолему (185–209). О самом жертвоприношении Поликсены – достаточно кратко: 209–212 и 221 сл.

²¹ Ant. Lib. 37. По другой версии, жен ахейских героев склонял к измене мужьям Навплий, мстя за казненного под Троей Паламеда: *Apollod.* Epit. VI. 9; *Dict.* Cret. VI. 2.

мотив предыдущей эпиграммы. б. «[Призрак] Агамемнона, когда Менелай не оказал помощи Оресту». Текст поврежден, и смысл его восстанавливается с использованием предложений в ed. princ.: Менелай позабыл о трудах, перенесенных братом ради его опозоренного ложа, и Агамемнону (уже убитому) пришлось выйти на свет, чтобы сказать это горькое слово... Как решился ты, Менелай, совершить такое, о чем и потомкам будет страшно услышать? После моей смерти ты не помог ни Оресту, ни Электре и не вспомнил об Ифигении умершей ради Тиндариды! Ситуация напоминает монолог Ореста в одноименной трагедии Еврипида (650–663, 674–677). Прямых лексических совпадений нет.

VII. P. Cairo Cat. III. 67316 verso (Heitsch. XLII. 26). Этот текст и следующий найдены среди папирусов Диоскора из Антинуполя, занимавшего в VI в. весьма заметное место в общественной жизни кома Афродиты²². Заголовок: «Что сказал бы Ахилл, умерший из-за Поликсены». «Как раз теперь, милое дитя, возникла во мне жажда смерти, самое милое из желаний и самое горькое. Конечно, это Аид побуждает троянских жен, как из-за красоты Поликсены похоронить Эакида (т.е. Ахилла). Страсть к прекраснокудрым (девам) обернулась посредством копья Ареса...» (ст. 1–5). В двух последних, окончательно испорченных стихах читаем про «троянцев, даже умерших», – может быть, мысль была та, что они найдут удовлетворение в гибели Ахилла? Как видим, и здесь используется не гомеровская, а более поздняя версия, связывавшая смерть Ахилла с романтической историей его любви к Поликсене²³.

VIII. P. Cairo Cat II. 67188 verso (Heitsch. XLII. 27). VI в. Заголовок: «Аполлон, когда Гиакинф и Дафна превращались в растения». «Горячий привет вам, Гиакинф, и ты, владычица Дафна, надежда моего сердца. И поскольку Аполлон стоит между вами, возвысившись, как растение, я и сам мог бы быть рядом, не причиняя вам вреда. Чего другого мог бы я больше желать, о чем желал бы помыслить, (как не о том), чтобы справа от меня стоял Гиакинф, а слева – Дафна?» Стихи эти скорее принадлежат к типу экфрасы, чем этопеи: вероятно, Диоскор описывает рельеф на какой-нибудь пластинке из слоновой кости или на кубке, где Аполлон был изображен стоящим между своими любимцами. Притязание же самого Диоскора на подобное место может объясняться именем его отца Аполлона²⁴.

Из настоящего обзора можно сделать некоторые выводы о характере приведенных текстов.

Прежде всего, по форме, в которой они до нас дошли, их можно поделить на школьные упражнения (№ I, II, IV, V, написанные на листах из папирусных свитков или на деревянном диптихе) и на продукты творчества поэтов-любителей или на образцы, составленные для учащихся наставниками-риторами, – они сохранились для потомства в кодексах (№ III, VI). Промежуточное положение занимают № VII и VIII, которые являются рукописями самого Диоскора. Это, конечно, не школьные упражнения, но и на публикацию они едва ли были рассчитаны. Впрочем, по своим качествам вторые не слишком отличаются от первых. Так, в № II и IV ученики плохо поняли стоявшую перед ними задачу: вместо того, чтобы составить речи, которые *могли бы* сказать Одиссей или Афина, они пересказали речи, которые те и в самом деле говорят у Гомера. Но и в «поэтических» № III. 5 и VI. 1, 4, 6 тоже пересказываются доводы из Софокла, Гомера и Еврипида. И тем, и другим присущи ненужные повторения. Наиболее показателен, конечно, № IV, но и в № V гречанка дважды осуждает Елену за то, что ее взоры погубили столько мужей (2, ст. 3 сл. и 6 сл.), Зевс дважды указывает на возможность Афродиты отомстить Диомеду (4, ст. 4–8 и 9 сл.), Агамемнон

²² *Maspero J.* Un dernière poète grec d'Egypte: Dioscore, fils d'Apollon // REG. 1911. XXIV. P. 426–481; *Mac Coull L.S.* B. Dioscorus of Aphrodito. His Work and his World. Univ. Calif. Press. [1988].

²³ Эта версия возникла едва ли раньше эллинистического времени. Нам она известна только по поздним источникам: *Philostr.* Heroic. XX. 16 sq.; *Hug.* Fab. 110; *Dict. Cret.* IV. 10 sq.; *Daret.* 27. Для Диоскора источниками могли послужить уже упоминавшаяся кн. 14 Квинта Смирнского (213–215, 240 сл., 257–328) и «Взятие Илиона» Трифиодора (403 сл., 686 сл.), – кстати сказать, соотечественника Диоскора.

²⁴ *Mac Coull.* Op. cit. P. 129.

дословно повторяет свой упрек Менелаю (6 ст. 1 и 4). Вместе с тем и учащиеся, и поэты-дилетанты способны на составление по-настоящему фиктивных речей, которым нет прямого прототипа в сохранившихся литературных памятниках, – № III. 1, 3; V; VI. 2, 3, 5; VII; VIII.

Затем, обращает на себя внимание (насколько можно судить на материале поврежденных папирусов) небольшой размер этих этопей. Самая обширная из них – наш № IV, объем которого обусловлен ненужными повторениями.

Далее. Действующими лицами являются только мифологические персонажи. Если они и не заимствованы из области героической мифологии, как Эрисихфон или Гиакинф и Дафна, они все равно связаны с богами, Деметрой или Аполлоном. Один раз гомеровская версия распространена за счет более поздней (VI. 4), в другой раз принята более поздняя безотносительно к Гомеру (см. № VII и прим.).

С этим связано и употребление эпической лексики, не везде, впрочем, равномерное. В одних этопеях ее можно черпать обеими руками (например, в № IV: множество неслитных форм, дат. п. мн.ч. на – εσσι; VI.1: δεδάηκας, δηθύων, ἀπάνευθε, τέο μέχρως), в других встречаются только отдельные слова (например, ἱπποχάρμης III. 1 verso, 6; βλοσυρός, V. 1) или формы (например, ἐξεφάνθη, VII. 1; φαανθεῖς, VI. 2, 3; βελέεσιν ἀναλήτοισιν, VI. 4, 7; γένεο, II. 31; ἀτείρεα, V. 50), в третьих пересказывается эпическая ситуация «своими словами», с вкраплением отдельных гомеровских цитат и слов (см. № II). Не всегда гомеровская лексика употребляется к месту. Так, эпитет Амфитриты κυανῶπις (II. XII. 60) переделывается в κυανῶπος и прилагается к морской воде (V. 1), которая едва ли может быть названа «лазурноокой» (в переводе эта неловкость античного ученика исправлена).

Наконец, столь же неравномерно представлены риторические приемы. Среди школьных упражнений отметим № V (4 риторических вопроса в анафоре, из них два вводятся с помощью τί, еще два с помощью ποῖον; поиски ассонансов: κολπῶσαντες ἐφ' ὀλκάσι χίλια λαίφῃ; ταχεῖς ... τείχῃ. Среди эпиграмм – № VI. 1 (μόθους – μόθων, 1–4; τέκος – τέκνον 3–5), VII, 3 (ἀλόχοισι – λοχεύει).

Другую группу стихотворных этопей составляют, как уже говорилось, 31 эпиграмма²⁵ из IX книги Палатинской антологии. Объединение их в некий комплекс носит отчасти условный характер, поскольку основывается на общности заголовков (типа «так сказал бы...» или указания на говорящего), данных этим эпиграммам не автором и даже не составителем, а редактором рукописи в X в., который, определяя содержание эпиграмм, в ряде случаев мог и допустить ошибку. Так № 126, 454, 455 вполне могли быть составлены как подписи к памятникам изобразительного искусства²⁶.

В целом, однако, эта группа эпиграмм²⁷ вполне соответствует тому, что мы привыкли называть этопеей, хотя они и уступают в объеме большинству обсужденных выше папирусных текстов²⁸. Как давно было замечено, все они вышли, по-видимому, из какой-то местной поэтической школы в Египте²⁹ и в большинстве своем написаны одним человеком³⁰, в котором по стилю и приемам можно предполагать достаточное знакомство с системой риторического образования. Время их создания – не ранее

²⁵ Сюда входят № 449–480 за вычетом случайно попавших между ними № 450 и 453, а также оказавшаяся «на отлете» № 126.

²⁶ См. Anthologie Grecque. T. VII / Texte établi... par P. Waltz. P., 1957. P. XXVIII suiv. XXXV; T. VIII. 1974. Ad ep. 454. Ср. сказанное выше о пап. VIII и прим. 59.

²⁷ Их прототипом можно считать № 117 из той же IX книги, поскольку она отличается только тем, что написана гораздо раньше (она вошла в «Венок» Филиппа Фессалоникского, т.е. составлена между началом I в. до н.э. и серединой I в. н.э.), и тем, что прямой речи Гекубы предпосылает описание ситуации, чего этопеи избегают.

²⁸ Из 31 рассматриваемых ниже эпиграмм 20 не превышают двух-трех стихов, чего, конечно, мало для сколько-нибудь развернутой характеристики говорящего. К минимальному («необходимому и достаточному») размеру этопей в 6–7 стихов приближаются только 6 эпиграмм.

²⁹ См. Crusius O. Aus antiken Schulbüchern // Philologus. 1905. 64 S. 146.

³⁰ См. Cameron A. Two Notes on the Greek Anthology // BICS. 1967. № 14. P. 60. См., однако, прим. 60.

второй половины V в., так как в построении гексаметра они целиком подчиняются влиянию Нонна: в них никогда не бывает двух спондеев подряд в 1-й и 2-й стопах³¹ и не представлен какой-либо другой тип гексаметра кроме тех девяти, которыми пользовался Нонн³². Поскольку перевод приводится в приложении к статье, здесь достаточно дать их общую характеристику, в которой обращают на себя внимание следующие моменты.

1. Все без исключения речи приписаны мифологическим лицам: Гере, Аполлону, персонажам Троянского цикла и т.д., при том, что ни одна из них не содержит пересказа известного источника. Так, речь Эйдофеи в № 474, воспроизводящая в целом обстановку первой половины «Елены» Еврипида, вмещает ее в шесть стихов. В других случаях ситуация напоминает гомеровскую, но не повторяет ее: Одиссей встречается в Аиде тень Аякса, но Ахилл вовсе не пытается мирить их, как в № 470. Номера 461 и 462 совсем не находят соответствия ни в «Илиаде», ни в известном нам содержании киклических поэм. Гектор не мог видеть, как вооружается Ахилл (№ 463), Парис не торжествовал над поверженным Менелаем (№ 464) и Елена во время их единоборства отнюдь не опасалась нового брака (№ 475). № 477 вовсе предполагает в слушателе знание не слишком распространенной истории о том, как Телеф, преследуемый Ахиллом, запутался среди виноградных кустов³³, что дает Фетиде, никогда этого не видевшей, повод оплакивать грядущую смерть Ахилла. Наконец, совсем невероятная ситуация, противоречащая традиционному изложению мифа, представлена в № 479 и 480 (во втором из них Пелоп вообще говорит так, как будто он уже прочитал знаменитую эпиграмму Каллимаха. Anth. Pal. XII. 102). См. также ниже примечания к переводу эпитаграмм № 457–460, 465–467, 476. Словом, речи в этопеях из IX книги являются на самом деле совершенно фиктивными и отвечающими на вопрос, что *мог бы* сказать персонаж, который этого не говорил.

2. Из 32 этопей собственно «этическими» можно назвать только 7 (№ 457, 460, 461, 465, 470, 471, 476), при том что «нрав» Ахилла, призывающего в Аиде Аякса к примирению с Одиссеем, меньше всего согласуется с темпераментом Пелида, как он выведен в «Илиаде». В остальных либо изображен «пафос», т.е. непосредственная реакция на некое происшествие (№ 126, 449, 451, 452, 456, 458, 462–465, 467, 475, 477, 479, 480, 495), иногда с примесью «этоса» (№ 459, 468, 469, 474), либо просто констатируется наличная ситуация, безотносительно к «нраву» вовлеченных в нее лиц (№ 454, 455, 466, 473, 478). Из этого ясно, что (оставляя в стороне стихотворную форму) только ограниченное число эпитаграмм могут служить примером этопеи, действительно сочиненной для нужд образования. Основную же часть рассматриваемых эпитаграмм можно считать не более чем литературной забавой.

3. Для их языка характерно пристрастие к гомеризмам. Особенно отличаются этим № 470 (ἐν φθιμένοισιν, καλλείψας, ἤλιτεν, ἔπεφινεν, ἄλγεα, βένθηα, τεύχεα, ἡεροφοῖτις 'Ερινύς) и № 474 (Τρωσί, Δαναοῖσι, αἰγίοχοιο, τεοῦ, ἔρχεο, ἐπὶ νῶτα θαλάσσης), но и в других эпитаграммах достаточно форм родительного пад. на –οιο, дательного множ. на –οισι и –εοσι (πελάγεοσι), неслитных форм мн.ч. средн. р. типа πένθηα, примеров прошедших времен без приращения (φάνη, πέτρωσεν), форм от ἄλλυμι без префикса, сложных прилагательных (πολύτλας, ἀγχέμαχος) и т.п. явлений, которые должны были показать, что сочинитель вполне овладел гомеровским словарем.

³¹ Единственное исключение (IX. 474. 1) легко устраняется заменой σόν в тексте Палатинской антологии на σέο в чтении Плануда. См. *ibid.* P. 58 f.

³² Эти девять типов (в отличие от 32-х, употребляемых в гомеровском эпосе) были установлены в самом начале нашего века Ля Рошем: *La Roche J. Zur Verstechnik des Nonnos // WSt. 1900. 22. S. 194–211*, и использованы для датировки этопей из Гейдельбергского папируса (наш № VI) Колларом (*Collart P. A propos d'un papyrus de Heidelberg // REG. 1936. 49. P. 429–439*).

³³ История эта излагается у Аполлодора (Erit. III. 17) и в схолиях к II. I. 59, причем Телеф, естественно, остается в живых, хотя и получает рану, за исцелением которой он потом явится к Ахиллу.

4. В области стиля отметим достаточно частое употребление риторических фигур, которые, разумеется, не всегда могут быть переданы в переводе. Сюда относятся: анафоры (тройное τίς – № 449; ἔγνωσ – № 457. 1–2; μετ’ – № 458.1; тройное καί – № 461.4. 6, 7, ср. там же обрамляющее μοχθος в ст. 1 и 7); удвоения (γαστέρος – γαστήρ, μαζῶν – μαζοί, – № 126; πυρὶ – πῦρ, νευρῆς – νευρήν, "Ἐρως κατ’ ἔρωτος № 449; χαῖρε – εἰ χαίρειν – № 452; ἐδίδαξας – δίδαξον – № 456); figura etymologica (πολυπήμουι – πῆμα – № 457). Добавим к этому нередкую аллитерацию: Σὸς πόσις κακοεργὸς ἐνὶ σπήλυγγι ... γλώσσαυ ἐθέρισσε ... ἔσβεσεν – № 451.1 и 4, где обилие свистящих в начальном и конечном стихе передает бессловесный голос оставшейся без языка Филомелы. "Ἠεῖδον μὲν ἐγὼν – № 455. "Ἀεθλα – ἄλγεα № 458.1. Πελάγεσσι, νεκύεσσι, Ὀδυσσεύς – № 459.6. Τρώεσσι ... πάντεσσι ... κορύσσων ... ὀλέσαι ... ἀνύσσει – № 461. Если мы сравним теперь новый оксиринхский папирус с рассмотренными выше образцами эпопей, то заметим в нем целый ряд особенностей, отличающих его от других произведений подобного жанра. Прежде всего, фиктивная речь Гесиода – одна из наиболее обширных среди всех эпопей, сохранившихся на папирусах, не говоря уже об эпиграммах из IX книги Палатинской антологии. По своему объему она уступает только речи Афины из нашего папируса № IV, величина которой, как уже говорилось, объясняется бесконечными повторениями на одну и ту же тему. Затем, в то время как во всех остальных эпопеях речи принадлежат мифическим персонажам, Гесиод – лицо историческое, и если в его судьбу и вторглись некие высшие силы, с античной точки зрения это не противоречит его реальному существованию. Самый образ поэта строится на его собственных высказываниях с привлечением сведений, почерпнутых из достаточно традиционных источников о его жизни и творчестве.

Явление Гесиоду, пасшему стадо близ Геликона, Музы, которая научила его искусству песнопения (ст. 3–6, 15 сл., 24)³⁴, основано на вступлении к «Теогонии», 22–23. Со временем эту версию повторит Каллимах во вступлении к своим «Причинам» (фр. 2. 1 сл)³⁵, а еще через несколько столетий ее целиком применит к себе Квинт Смирнский (XII. 308–313)³⁶. Характеру творчества Гесиода вполне соответствует в приписываемой ему речи (ст. 7–9) объем знаний, внушенных Музой: она поведала ему о сражении богов с гигантами, что составляет содержание большого раздела «Теогонии», 629–725; о происхождении героев и породивших их женах, – вспоминаются опять же заключительные 86 стихов «Теогонии» и еще в большей степени – известный на протяжении всей античности под именем Гесиода «Каталог жен», который становится нам все более доступным благодаря папирусным находкам последнего столетия³⁷. Готовность Гесиода отправиться на поэтическое состязание (ст. 11) естественно связать с его же собственным воспоминанием об участии в погребальных играх в Халкиде в честь погибшего в Лелантской войне Амфидаманта (Op. 651–659).

Имена родных Гесиода (ст. 17 сл.) тоже восходят к достаточно древней традиции: имя его отца Δῖος («божественный»), придуманное на основании Op. 299 (δῖον γένος), знал уже Ферекид, FGtH 3 F 167; имена отца и матери (Πικιμῆδη «очень разумная»,

³⁴ Завершающие эпопею ст. 25 сл. отличаются несколько более возвышенным характером, чем вся остальная речь, что дало основание ряду исследователей (особенно – Агости) для сопоставления ее с «Видением Дороефа». Мне представляется, однако, что для обоих произведений Гесиод является скорее общим первоисточником (см. ниже).

³⁵ Сказание такого же рода связывается, вероятно, уже с V в. с именем Архилоха. См. Müller C.W. Die Legende von der Erwählung des Dichters Archilochos // Fabula. 1992. 33. S. 102–107.

³⁶ Дошло это сказание и до XIX в. в форме небольшой поэмы французского поэта Ш.Ю. Мильвуа (1782–1816) «Сражение Гомера и Гесиода», известной у нас в вольном переводе К. Батюшкова «Гезиод и Омир, соперники» (1816). Речь там идет о столь же легендарном состязании Гесиода с Гомером, которое начинается с воспоминания Гесиода о том, как он бродил со стадами «близ чистой Ипокрены». «Там пастыря нашли прелестные Камени, // И я в обитель их священную вступил», – говорит Гесиод.

³⁷ См. West M.L. The Hesiodic Catalog of Women. Oxf., 1985.

эпитет Евриклей в Od. 1. 438, Триптолема – в гом. гимне Деметре, 153) сообщал Эфор, FGrH 70 F1. Оба имени названы в самом начале «Спора Гомера с Гесиодом», восходящего к ритору IV в. до н.э. Алкидаманту, который, по всей видимости, использовал еще более ранний источник. См. также Жизнеописание Гесиода в Суде и у Цеца. Характеристика «весьма неразумного» брата Перса заимствуется из «Трудов и Дней», оттуда же – упоминание Аскры, в которой поселилась семья Гесиода, покинув эолийскую Киму (ст. 13 сл.).

Таким образом, можно сказать, что наш автор резюмирует содержание поэм Гесиода его же собственными словами, не задаваясь целью ставить поэта в какую-нибудь фиктивную обстановку (если, конечно, не считать ею само явление Музы).

При этом, явно не востребованной остается тематика «Трудов и дней». Правда, некоторые исследователи³⁸ хотят видеть ее отражение в понятии κόσμος в ст. 9, поскольку оно якобы включает в себя также землю и ее обитателей со всеми их трудами и заботами. Между тем космос в философском понимании слова, какое оно приобретает впервые у Пифагора (или Парменида³⁹), а затем у Гераклита, едва ли вмещал в себя повседневный быт землевладельцев, и надо придать автору нашей эпопеи исключительную склонность к ассоциативному мышлению, чтобы заподозрить в нем способность к такому расширительному пониманию космоса. Да и для самого Гесиода, хотя понятие космоса как мироздания в целом в его поэмах не встречается, мир, который он «узрел очами», это, конечно, не хорошо известная ему **ОБСТАНОВКА** земледельческого быта, а именно вселенная, возникновение которой он описывает, начиная от Хаоса, в той же «Теогонии», 116–153⁴⁰. Чтобы открыть для себя мир «трудов и дней», ему не требовалась помощь Муз. Возможно, наш автор именно потому избегает намек на «Труды и Дни», что ему надо изобразить Гесиода как эпического поэта, противостоящего в своем творчестве наивным песням поселян.

Здесь мы подходим к той стороне «речи Гесиода», которая до сих пор не обращала на себя слишком пристального внимания исследователей, – почему примерно половина стихов в обсуждаемом тексте посвящена расставанию поэта со своим пастушеским прошлым и с опостылевшей ему буколической песней?

Как известно, ни в его собственных поэмах, ни в более поздних источниках, не считая Вергилия, нет ни слова о том, что Гесиод до явления ему Муз отличался поэтическими способностями и проявлял их, находясь среди пастухов. Музы посетили его, когда он пас своих овец (Theog. 23), но в то время он не был поэтом, и свирель, этот символ буколической поэзии, ни разу не упоминается ни у Гесиода⁴¹, ни в посвященных ему свидетельствах.

Каллимах называет Гесиода всего лишь один раз как образец для «Феноменов» Арата (т.е. опять же как эпического поэта) и восхищается «медовой сладостью» его слов (Anth. Pal. IX. 507). Мосх убежден, что в Аскре оплакивают смерть Биона сильнее, чем кончину Гесиода (III. 87). В более поздних источниках подчеркивается, что с явлением Муз на будущего поэта *мгновенно* нашло вдохновение⁴². Образ Гесиода, оглашавшего звуками свирели окрестные горы, – изобретение Вергилия (Ecl. VI. 69–71), не говоря уже о том, что существование литературно оформившейся буколической поэзии за 400 лет до Феокрита – очевидный нонсенс. Зачем на рубеже III–IV вв. понадобилось возвращаться к этому образу, для того чтобы тут же его отвергнуть?

По мнению автора раздела о литературе эпохи Империи, в «Кэмбриджской истории

³⁸ Barigazzi. Una dialexis... P. 4–5; Agosti. P. Oxy. 3537r... S. 4.

³⁹ Diog. Laert. VIII. 48.

⁴⁰ См. в уже упоминавшейся космогонии (P. Oxy. 2816), составленной по Гесиоду, κόσμος в таком же «космическом» значении.

⁴¹ Здесь, разумеется, не принимается в расчет упоминание свирели в «Щите», 278, который датируется примерно VI в. Впрочем, и там свирель сопровождает не пастушескую песню, а свадебный хор.

⁴² Ср.: εὐθὺς ἄδειν, γειόμενοι ποιητὴν ἐκ πομπέως (Max. Tug. 38.2); αὐτίκα μάλ᾽ ἀποιητὴς ἐκ πομπέως κατέστη (Luc. Rhet. praes. 4).

классической литературы» это было время «малых форм», оттеснивших на задний план все остальные поэтические жанры⁴³. Едва ли это вполне верно.

Эпическая поэзия во всех ее видах занимала достаточно заметное место в литературе Римской империи во II–IV вв., и притом – именно в ее восточной части.

Еще ко времени Марка Аврелия относится «Halieutica» (ок. 176–180 гг.) Оппиана из Киликии, равно как приписываемая ему «Супеgetica». Современником Септимия Севера (193–211 гг.) словарь Суда называет Нестора из Ларанды в Ликаонии, автора не дошедших до нас «Метаморфоз», «Александриады», чудовищной «Илиады» λεῖποῦράμματος⁴⁴ и дидактических поэм о всяких средствах исцеления. Сын Нестора Писандр, относимый ко времени Александра Севера (222–236 гг.), сочинил самую большую в истории древнегреческой литературы эпическую поэму, также не сохранившуюся, – " Ἦρωκάδ' θεοῦράμματα" всего-навсего в 60 книгах. Известно, что речь шла в ней, среди прочего, о войне богов с гигантами, о связях Зевса и Ио, о Кадме, Геракле и аргонавтах. Если для Нестора образцом являлся Никандр, впрочем, продолжавший традицию Гесиода, то Писандр никак не мог избежать непосредственного влияния ни гесиодовской «Теогонии», ни «Каталога жен». В III в. сочиняет свою поэму «После Гомера» Квинт Смирнский⁴⁵, за ним следует происходивший из Египта и многим Квинту обязанный Трифиодор со «Взятием Илиона»⁴⁶, подражавший также и Нестору в сочинении не дошедшей до нас, но, вероятно, столь же нелепой «Одиссеи».

К рубежу III–IV вв., т.е. примерно к тому же периоду, когда была сочинена этопоэя Гесиода, относится, согласно Суде, эпический поэт Сотерих из Оасиса в Ливии, автор поэм о Дионисе (в 4-х книгах), о вавилонянке Панфее, об Ариадне и, возможно, о сражении с Калидонским вепрем⁴⁷. Был ли Сотерих также автором поэмы о войне Диоклетиана и Галерия с персами, остается только предположением, но в дошедшем папирусном отрывке этого «историко-героического» эпоса самого начала IV в. на два десятка гексаметров хватает мифологических реминисценций⁴⁸.

В это же время некий, более ничем не известный Дионисий сочинил поэмы «Basarica» и «Gigantias», от которых дошло некоторое количество фрагментов⁴⁹.

Наконец, к тому рубежу III–IV вв. принадлежит опубликованное в 1984 г. «Видение Дорофея» (Papyrus Bodmer XXIX) – поэма объемом в 343 стиха, в которой автор повествует о своем обращении в христианство в результате посетившего его во сне видения. В этой поэме, помимо сходства с «Теогонией» в ситуации (явление во сне некоей высшей силы), очень близки к Гесиоду ст. 170–177, своего рода «проемий», помещенный между двумя частями поэмы, но обращенный не к Музам, а к архангелу Гавриилу⁵⁰.

Прочная эпическая традиция существовала в Египте и в последующие два столетия, когда во всей Империи восторжествовало христианство, принципиально враждебное греческой мифологии с ее языческими богами⁵¹. Подтверждением этому может

⁴³ The Cambridge History of Classical Literature. V. I. Pt 4. Camb., 1989. P. 89 f.

⁴⁴ Текст «Илиады» был препарирован в ней таким образом, чтобы в каждой книге ни разу не встретилась соответствующая буква греческого алфавита: кн. первая – без *альфы*, вторая – без *беты* и т.д.

⁴⁵ См. Quintus de Smyrne. La Suite d'Homère / Texte établi... par F. Vian. V. 1. P., 1963. P. VII–XIII, XIX–XXIV.

⁴⁶ См. ВДИ. 1983. № 3. С. 135; *Triphiodore. La Prise d'Iliion / Texte établi... par B. Gerlaud. P., 1982. P. 6–9.* Только по библиографии известно мне новейшее изд.: *Dubielzig U. Triphiodor: Die Einnahme Iliions. Mit Einf., Übers. und krit.-exeget. Noten.* Tübingen, 1996.

⁴⁷ См. *Livrea E. Chi e'l'autore di P. Oxy. 4352? // ZPE. 1999. 125. S. 69. Anm. 5.*

⁴⁸ Heitsch. № XXII; GLP № 135.

⁴⁹ Heitsch. № XIX, fr. 1–8, 15 – из Стефана Византийского, fr. 9–14, 16–26 обнаружены на папирусе; наиболее крупный отрывок из первой поэмы см. GLP № 134. См. также: *Dionysii Bassaricon et Gigantiadis fragmenta / Ed. H. Livrea. Romae, 1973.*

⁵⁰ Ср. χαρίεσσαν ἀοιδῶν (173) – ἱερβέσσαν ἀοιδῶν (Th. 104) αὐδῶν θεσπιν...πρὸ τ'ἔοντα (176 sq.) – прямое заимствование из Th. 31 sq.

⁵¹ См. *Cameron A. Wandering Poets: A Literary Movement in Byzantine Egypt // Historia. 1965. XIV. S. 470–509, особенно 471–485.*

служить еще один папирусный текст, который раньше датировался началом IV в., а теперь в результате нового палеографического исследования, может быть с достаточной надежностью отнесен к V в. Содержание его составляет основание Универсума: Зевс решает создать космос, положив тем конец вражде элементов, и поручает эту задачу Гермесу, которого он производит из себя самого. Гермес сотворяет Небо с планетами и созвездиями, Землю с реками и Жизнь, которую помещает в созданном для этой цели городе, – разумеется, в Гермуполисе, в Египте⁵². Как видим, эта эллинизированная египетская космогония, хоть и сильно отличается от гесиодовской, все же может считать последней своей прародительницей.

Из сказанного очевиден непреходящий интерес к эпосу во II–V вв. в восточной части Римской империи и в том числе – в Египте, откуда происходит интересующая нас здесь этопея. Об этом же свидетельствуют и папирусные источники.

Гомеровский эпос пользовался в провинциальных культурных центрах птоломеевского, а затем и римского Египта особым предпочтением: около 1000 папирусов с текстом гомеровских поэм составляют одну пятую часть всех опубликованных до сих пор литературных папирусов, при том, что на II в. н.э. приходится их примечательная концентрация. Гесиод, конечно, не может соперничать с Гомером по числу дошедших папирусов (рукописей из трех поэм, включая «Щит Геракла», насчитывается чуть меньше 40), но и среди них на II–III вв. приходится 23. Что же касается буколических авторов, то к концу 1998 г. было известно 26 папирусов с текстами Феокрита, из которых только три относятся ко II–III вв. и столько же – к IV в., включая один, еще не опубликованный⁵³. Как видно, в III–IV вв. буколической поэзией в Египте не слишком интересовались.

Таким образом, автор нашей этопеи присоединяется к существовавшей в его время оценке эпоса. Менее понятно, какой смысл имело в этих условиях отвержение им «буколического» прошлого Гесиода.

Разве только он сам принадлежал к числу особенно рьяных поклонников дидактического эпоса и постарался объяснить свое пристрастие к нему и неприятие «легкомысленной» буколической поэзии примером Гесиода? Во всяком случае, включение в этопею собственного взгляда на взаимоотношение литературных жанров является единственным примером во всех доступных нам ее образцах и выводит наш текст за пределы обычных школьных упражнений в этом роде.

Что касается стилистического плана, то мы отметим в разбираемом стихотворении достаточную сдержанность автора в использовании гомеризмов и различных риторических фигур.

Из первых в надежно читаемом тексте можно обнаружить только тмесис (ἐκ δ'ἔλοιπῃ, 16), родит. пад. ед. ч. на – ою (6), три неслитные формы (4, 24) и диалектное πτολ– (11), а из вторых – несколько случаев не слишком навязчивых анафор: τίς (3), αὐτή (7, 9), νῦν (17), οὐδ(έ) (20, 22, 24). По-видимому, автор не хотел отвлекаться в сторону формальных приемов; для него важнее было содержание сочиняемого стихотворения.

Кроме того, очевидно стремление придать стихотворению некую смысловую законченность, построив его по кольцевому принципу, хоть и не выраженному лексически. В начальных стихах сообщается о явлении Музы, которая вдохновила будущего поэта, открыв его взору космос во всем его величии (5–9), – в конце автор возвращается к стремлению Гесиода, которому по воле Зевса и Муз открылись божественные чертоги, воспевать увиденное им. В середине размещается расставание поэта с его буколическим прошлым.

Наконец, вся речь Гесиода построена как акростих таким образом, что из начальных букв 24 строк складывается формульный эпический стих: τὸν δ'ἄπομειβόμενος

⁵² Heitsch № XXIV; GLP № 136; Gigli Piccardi D. La «Cosmogonia di Strasburgo». Firenze, 1990; Agosti G. La Cosmogonia di Strasburgo // Atene e Roma. 1994. 39. P. 26–46.

⁵³ Эти сведения сообщил мне Т. Шмидт из Католического университета в Леуване, за что приношу ему искреннюю благодарность.

ξφη. С давних времен формула эта не раз встречала ироническое к себе отношение⁵⁴, и тот факт, что неведомый нам автор берет ее в качестве исходной для своей этопеи, подтверждает его архаистические симпатии. Заметим также, что акростих может преследовать чисто формальную цель, не соотносимую с его содержанием, как, например, все в той же кн. IX Палатинской антологии № 385, 524 и 525, где алфавитный порядок стихов никак не отражает ни содержания «Илиады», ни сущности эпитетов Диониса или Аполлона⁵⁵. Но акростих может и вступать в переключку с содержанием охваченных им стихов, как в «Феноменах» Арата, 783–787 (ΑΕΠΤΗ), 803–806 (ΠΑΣΑ) или у Никандра, Theg. 345–353 (ΝΙΚΑΝΔΡΟΣ)⁵⁶. Наш автор идет по второму пути, поскольку то, о чем говорится в стихотворении, и есть речь его героя («отвечая, сказал»). Стало быть, его и в этом отношении привлекает не только формальный прием. Поскольку же построение стихотворения в форме *такого* акростиха требовало более высокого уровня версификации, чем тот, которого можно было требовать от учащихся при выполнении прогимнаст, наш текст надо считать произведением не ученика, а наставника, от которого вполне можно ожидать собственного отношения к поэтическим средствам.

Подводя итог, мы должны сказать, что новая этопея занимает совершенно особое положение среди других примеров этого жанра. Своим героем она делает реальное лицо и вкладывает в его уста целую эстетическую программу, содержащую оценку поэта-классика. Она представляет собой не заурядное упражнение на искусственно придуманную тему, требующее использования некой суммы риторических приемов, а отражает вполне определенные литературные вкусы ее автора, который стремится поставить характер творчества Гесиода в связь (пускай и с легендарными!) обстоятельствами его жизни⁵⁷.

Предложим в заключение перевод нового текста в гексаметрах, не претендуя, однако, на сохранение принципа акростиха: автор настоящих строк, подобно выполняющим прогимнасты, считает это испытание для себя непосильным.

- Кто из богов мне всю душу потряс вдохновением свыше,
Горы принудив оставить, и роци, и стадо овечье?
5 Кто, появившись ночью с преславной горы Геликона,
Поросль принес мне роскошную пышноцветущего лава?
Муза мне род возвестила богов и с гигантами битвы,
Происхожденье героев и женщин, их породивших.
Мир мне явила она, что раньше не зрел я очами.
10 Стоило мое злополучное, клевы, где коз содержал я!
Я отправлюсь в сраженье – средь круга широкого спорить.
Плющ мне священный не нужен, ни луг, где стадо пасется,
Аскру не стану я тешить, собрание хижин убогих,
Киму же вовсе в расчет не беру я. Прощайте, овечьих

⁵⁴ См. Agosti. P. Oxy. 3537r... № 3.

⁵⁵ Перевод № 385 см. в кн.: Дарет Фригийский. История о разрушении Трои. СПб., 1997. С. 296.

⁵⁶ Courtney E. Greek and Latin Acrostichs // Philologus. 1990. 134. S. 1–13. На акростих о Гесиоде автор в перечне «literary acrostichs» (см. с. 13) не ссылается, хотя и относит к их числу достаточно беспомощные эпиталамии и энкомии уже известного нам Диоскора (№ 7, 12, 19, 20, 23, 24 Heich = 68 sq., 81, 103, 105, 107, 111 Mac Coull). См. также Rebuffat E. Acrostici nel Lithica Pseudo-orfici // Eikasmos. 1996. VI. P. 215–219; Agosti. P. Oxy. 3537r... № 9–11.

⁵⁷ Эта работа была уже отослана в редакцию, когда мне удалось ознакомиться со статьей: Bernsdorf H. Hesiod – ein zweiter Vergil? Zur poetischen Ethopoia. P. Oxy. 3537 // Antike Rhetorik und ihre Rezeption. Stuttgart, 1999. S. 63–83 (за присланную мне ксерокопию я сердечно благодарен Хорсту Мёллеру, Лейпциг). Главная мысль Бернсдорфа состоит в том, что в ст. 12–14 Гесиод прощается со своим прошлым как буколический поэт («наш автор создал "своего" Гесиода по образцу биографии Вергилия»), для чего приводятся весьма ценные параллели из римской поэзии, в конце III в. н.э. в Оксирихе едва ли известные. Как видит читатель, я придерживаюсь прямо противоположной точки зрения.

- 15 Стад пастухи! Научили нас песне божественной Музы,
И для себя я избрал Аганиппы поток вдохновенной.
Ныне, любимый отец мой, Дий, ныне ты, Пикимеда,
Матерь достойнее всех, и ты, брат Перс неразумный,
Станет другой моя жизнь: начинаю я звонкую песню,
- 20 Будет не жалкой пастушеской, – их без труда поселяне
Дара лишенные, сложат...
Больше в горах мне не нравятся звуки свирели пастушьей,
Также наскучил теперь мне скрип деревенских дуделок.
Ныне по Зевсовой воле, по воле муз мне отверзлись
- 25 Сводов небесных врата, и богов я вижу чертоги, –
Их воспевать я хочу, чтоб славой навек увенчаться.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод эпиграмм из IX книги Палатинской антологии

117. Статилия Флакка⁵⁸

В час, когда горестный брак отца совершал с Поликсеной
Пирр на высоком холме, в жертву ее принося,
Горько рыдала Гекуба, главу беспощадно терзая,
И говорила в слезах, смерть проклиная детей:
«Ты волочил уж однажды труп Гектора за колесницей;
Ныне, хоть мертв ты и сам, требуешь крови другой,
О ненасытный Ахилл, так рожденных ты мной ненавидишь,
Что и в могиле своей их не жалеешь совсем?»

126. Что сказала бы Клитемestra, когда ее хотел убить Орест⁵⁹.

Меч свой куда ты отправишь, – в грудь ли мою или в чрево?
Чрево родило тебя, и грудью ты вскормлен моею⁶⁰.

449. Что сказал бы, полюбив, Эрот.

Пламенем кто загасил мое пламя, лампадой – лампаду?
Кто натянул тетиву и моей тетиве угрожает?
Новый с Эротом Эрот всей силой моею сравнялся.

451. Что сказала бы Филомела своей сестре Прокне

Твой насильник-супруг, в глубину завлекши пещеры,
Сделал несчастный меня, девичество дерзко похитив;
В память о браке зловещем принес он мне дар ненавистный:
Вырезал мой он язык, загасив звуки эллинской речи.

452. На тот же случай

Здравствуй, сестра моя Прокна, привет тебе шлет Филомела,
Хоть и не благ мой привет. Но пусть возвестит это платье
Боль оскорбленной души, – как, в овечьем хлеву заточивши,
Сделал несчастной меня твой супруг несказанно жестокий,
Девство сначала похитив, а после лишив меня речи.

454. Что сказала бы Каллиопа, указывая на Георгия⁶¹

Истинный вот мой отец, вовсе не сын Крона Зевс.

⁵⁸ К этой эпиграмме в рукописи есть лемма: «На могиле Ахилла, когда Пирр заколол Поликсену и несчастная Гекуба приняла на собственную грудь кровь дочери».

⁵⁹ Имена составителей этой и всех следующих эпиграмм неизвестны.

⁶⁰ Клитемestra, обнажающая перед Орестом вскормившую его грудь, – мотив, впервые засвидетельствованный у Эскила (Хоч. 896–898) и трижды повторенный Еврипидом (El. 1206 sq.; Or. 526–529, 566–570), затем часто использовался в изобразительном искусстве. См. LIMC. 1992. VI. 1. P. 80.

⁶¹ По-видимому, одна из самых поздних среди рассматриваемых здесь эпиграмм, поскольку в ней имеется в виду Георгий Писидя – византийский сановник, занимавший важные должности в Константинополе в 30-е годы VII в., и поэт, неумеренно прославленный его современниками; отсюда и не слыханная до того генеалогия Каллиопы!

455. Что сказал бы Аполлон о Гомере
Я эту песнь пропел, записал же Гомер богоравный.

456. Пасифая Эроту
Ты научил меня страсти к быку, с гор далеких пришельцу,
Так научи и мычанию, чтоб звать дорогого супруга.

457. Что сказал бы Ахилл, когда был ранен Агамемнон
Понял ныне, Атрид, что за гнев разрушительный вызвал?
Понял, с силой какой бьется Гектор в боях рукопашных?
Ныне жертвой все стали твоей погубительной брани,
И тебе она вышла бедою, что смерти ужасней.
Ввергнут безумьем своим ты в невыносимое горе,
Кто средь всех почитался данайцев оплотом могучим⁶².

458. Что сказал бы Одиссей, ступив на Итаку
Здравствуй, Итака! Труды завершив и по морю скитанья,
В землю твою прихожу, полный радости. Видеть хочу я
Снова Лаэрта-отца, супругу и славного сына.
В сердце тобою я был зачарован; ведь знаю и сам я:
«Сладостней нет ничего нам отчизны и сродников наших»⁶³.

459. Что сказал бы Ахилл, видя в Аиде Одиссея
Вправду средь всех на земле Одиссей самый хитрый и ловкий.
С жизнью еще не расставшись, увидел, что видеть не должно, –
Недра подземные, также горькие муки умерших.
Как же посмел он оставить сиянье святое? Нуждою
Он приведен ли сюда против воли? Как видно, в обмане
Нет пресыщенья ему на земле, на морях и средь мертвых⁶⁴.

460. Что сказал бы Ахилл, видя лежащие перед ним доспехи
Матерь, приносишь ты мне, своему отважному сыну,
Дар, драгоценный – доспехи; никто таких раньше не видел.
Я понимаю теперь, что Паллада на Гектора руку
Грозно подымлет мою и гибель троянцам готовит⁶⁵.

461. Что сказал бы Пирр, вступив в Трою
Ратный твой труд не закончил мой безупречный родитель,
Я же пришел, чтоб оружием троянцам всем смерть уготовить,
Ибо повсюду отвагой своею я славлюсь не меньше.
Доблесть сумеет моя и Приама царя, и всех вместе,
Кто уцелел от Ахилла, в бою погубить беспощадном.
Трою, воинственный город, я впрах разорю, и данайцев
Труд многолетний закончит мое копье боевое.

462. Что сказала бы Деидамия, когда Пирр разорил Трою
Сердце мое навсегда ты избавил от тяжелой печали,
Что принесла мне кончина отца твоего Ахиллеса,
Павшего жертвою Трои злосчастной. Но ты этот город
Весь разорил для ахейцев, победы над ним вожделевших,
Славы нетленной добыв, которую в десятилетний
Срок не сумели снискать все данайцы, хоть храбро сражались.

463. Что сказал бы Гектор, видя Ахилла в доспехах
В гневе Афина опять облекла доспехом Пелида
Грозным, что бог изготовил. Тягчайшее горе постигнет,

⁶² Развивается мотив, намеченный в II. XVI. 72–73: если бы Агамемнон не был несправедлив в отношении Ахилла, троянцам бы не поздоровилось.

⁶³ К ст. 3 ср. Od. IX. 505; ст. 5, цитата из Od. IX 346, дана здесь в переводе Жуковского.

⁶⁴ В Od. II. 467–476 Ахилл удивляется, как Одиссей проник при жизни в Аид (πῶς ἐτλησ... κατ'ἑδόμεν, 475), но не делает вывода о его «ненасытности в обмане».

⁶⁵ Ст. 1–2 перекликаются с II. XIX. 21 sq., но там Ахилл далее заботится о теле Патрокла.

Верно, троянцев несчастных, и Гектора, с ним и Приама,
Ежели этому мужу богиня доспехи вручила.

464. Что сказал бы Парис, когда был ранен Менелай
Прочь отойдите вы все, презренные эгиалейцы!
Умер уже Менелай, мне доставив великую славу.

465. Что сказала бы Алфея, призывая Мелеагра
Сын мой, забыл ты свой род, и тебя не заботит отчизна;
Гибнет она на глазах. Ты же, меч свой огромный забросив,
Этим позоришь отца, Калидон и весь люд калидонский⁶⁶.

466. Что сказала бы Алкестида, когда Адмет запряг в свою повозку льва и вепря
Мужеством славных трудов ты свою увенчал колесницу,
Славят невесту твою в прекрасносложенных гимнах⁶⁷.

467. Что сказал бы Пелей, слыша, что Ахилл уклоняется от битвы
Вы, Пелиона вершины, вскормившие в детстве Ахилла, –
Он же научен Хироном быть первым героем в сраженьях, –
Гнев ненавистный к ахейцам отбросить ему прикажите⁶⁸.

468. Что сказала бы Гера на обожествление Геракла
Доблесть, добытую потом, отец оценил твой высоко:
Неодолимою славой венчаются те среди смертных,
Кто беспредельных трудов сумел одолеть вереницу.

469. На тот же случай
Труд в несказанных усилиях принес тебе милость, которой
Не был никто одарен, – в местах пребывать благодатных.

470. Что сказал бы Ахилл, чтобы примирить Аякса (с Одиссеем)
Гнев не храни среди мертвых. Забыв все печали земные,
Друга своего возлюби: Одиссей не по собственной воле
Тяжко тебя оскорбил, а сгубила десница Афины,
Мойра и Зевс, наш отец, и бродящая в мраке эринья.
О, если б эти доспехи в глубины соленого моря
Бросила тотчас Фетида, вражду загасив в твоих мыслях!

471. Что сказал бы Нестор, услышав о возвращении Одиссея
Муж благородный избегнул неверного моря. В отчизну,
Множество бед претерпев, он вернулся. Пусть будет счастливей
Ныне, чем я, изучив города и обычаи смертных.

472. На того же Одиссея
Множество бед претерпев, Одиссей вернулся страдалец,
Славу, однако, навеки обрел на земле и на море
Средь поколений грядущих герой – городов разоритель.

473. Что сказал бы Агамемнон, когда Ахилл надел доспехи
Вот и погиб Илион холмистый, и в жертву данайцам
Бог его тотчас назначил, коль скоро, от гнева отрехшись,
Длань свою, мужеубийцу, доспехом Ахилл облекает.

474. Что сказала бы Эйдоея, увидев Елену на Фаросе
Хоть ты и Зевсова дочь, о красе я твоей сожалею.
Вижу я образ божественный, – вправду, ты стала троянцам,
Также и грекам причиной войны этой десятилетней.
Где ж от эгидодержавного Зевса-родителя помощь?

⁶⁶ Мотив заимствован из II. IX. 591–594, но там Мелеагра побуждает к отказу от гнева жена, описывая ужасы завоеванного города.

⁶⁷ Эта подробность из обряда сватовства Адмета указана у Аполлодора (I. 9. 15) и Гигина (фаб. 50 и 51), но там названы и оба зверя.

⁶⁸ Ср. II. IX. 252–259, где Феник вспоминает, как Пелей завещал сыну обуздывать гнев и избегать распрей.

Впрочем, скорей отправляйся: желаньем благим Эйдофеи
В дом без тревог возвратись по хребту коварного моря.

475. Что сказала бы Елена, глядя на единоборство Менелая с Парисом
Вы, копьеносцы-цари из Европы и Азии, ныне,
Как на ножа острие, вы все вместе – и те, и другие:
Кто, пострадавши в войне, возьмет, меня, жалкую, в жены?
Пусть же о том судит Зевс, наш отец, без участия Киприды,
Чтоб кто другой не украл меня снова, позор для ахейцев.

476. Что сказал бы Гектор, когда Патрокл не смог поднять копьё Ахилла
Своим бессильем повредил ты Гектору:
Доспехи мне негодные достанутся⁶⁹.

477. Что сказала бы Фетида, когда Телеф запутался в виноградном кусте
Куст виноградный, что делать я буду, когда мою поросль
Бог Аполлон всемогущий уложит стрелю Париса?

«WHAT ORATION HESIOD WOULD HAVE DELIVERED...»

(*P. Oxy. 50.3537 in Its Relation to the Ancient Rhetoric Tradition*)

V.N. Yarkho

Published in 1983, the short poem of an unknown poet is usually considered by scholars (see note 2) as a specimen of rhetorical *ethopoiia*, a fictitious oration that would have been delivered by a certain mythological character in certain circumstances. The author of this article reconsiders this formal genre attribution, based only upon the type of its title (Τίνας ἄν εἴποι λόγους...). He compares the stylistics and topics of this papyrus text with other extant specimen of *ethopoiia* (papyrus fragments and a group of epigrams in Ant. Pal. X), revealing substantial difference between the latter and the former. First, the person speaking in the new-found fragment is not a mythological character (as in the rest of versified *ethopoiias*), but a real person, Hesiod, speaking out his poetical creed and defending the epic as opposed to bucolic poetry. The reason of this opposition is not clear, for we can see no attack made upon the epic genre in the 2nd-4th cc. BC: Oppian, Quintus of Smyrna and Triphiodoros resorted to it in this period, as well as the poets whose work is preserved in fragments only (Dionysios) or whom we know only by names (Nestor of Laranda, his son Pisander, Soterichos of Libya). It appears that the author of the *ethopoiia* just expresses his view on literary preferences.

Second, the poet, unlike other authors of the genre used Homerisms and rhetorical technique only modestly, while conventional *ethopoiia* had been conceived as a rhetorical exercise. The poet in question, as it seems, considered his task too serious to have scruples about the rules of school rhetoric.

Thus, the *ethopoiia* seems quite unique. The person speaking here is a real person, and his oration contains the poet's aesthetic programme and his appreciation for the classic. This is not a trivial exercise in artificial topics and rhetorical devices, this is a reflection of literary tastes of the poet who tries to connect Hesiod's literary work with the circumstances of his life (legendary as they are).

The appendix presents a translation of the *ethopoiias* from Ant. Pal. X.

⁶⁹ Имеются в виду, конечно, II. XVI. 140–142, но Гектор этого видеть не мог.